

ПРОТОИЕРЕИ
СЕРГИЙ
ОВСЯННИКОВ

Книга про Свободу

УЙТИ ОТ ЗАКОННИЧЕСТВА,
ДОЙТИ ДО ЛЮБВИ

НИКЕЯ

ПОПУЛЯРНОЕ БОГОСЛОВИЕ ПОПУЛЯРНОЕ БОГОСЛОВИЕ ПОПУЛЯРНОЕ БОГОСЛОВИЕ ПОПУЛЯРНОЕ БО

Сергий Овсянников

**Книга про свободу. Уйти от
законничества, дойти до любви**

«Никея»

2018

УДК 123
ББК 86.372

Овсянников С.

Книга про свободу. Уйти от законничества, дойти до любви /
С. Овсянников — «Никея», 2018

ISBN 978-5-91761-804-3

В этой книге священник из Амстердама протоиерей Сергей Овсянников вместе с читателями ищет путь к свободе. Когда-то, много лет назад, митрополит Антоний Сурожский, рукополагая будущего отца Сергия, сказал ему: «Учись быть собой». Быть свободным и быть собой – это не одно и то же? Об этом, а также о том, как человечество потеряло свободу, о страхе и о страсти как тупиках на пути и о творчестве как выходе на волю – эта книга. Для самого автора поворот к внутренней свободе произошел много лет назад в тюрьме, там для него прозвучали слова: «Свобода может быть только в Боге».

УДК 123
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-804-3

© Овсянников С., 2018
© Никея, 2018

Содержание

От автора	6
Вместо предисловия. О моей несвободе, или Из наблюдений заключенного	7
Часть 1. Потерянная Свобода	12
Глава 1. Как человек остался без свободы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергий Овсянников
Книга про свободу. Уйти от
законничества, прийти до любви

© ООО ТД «Никея», 2018

© Издательский дом «Никея», 2018

© Овсянников Сергей, прот., 2018

* * *

От автора

Что бы мы ни делали – совершали великие открытия или необдуманные поступки, выстраивали карьеру, влюблялись, творили или страдали, – при честном взгляде на всю нашу человеческую жизнь и даже всю человеческую историю оказывается, что один из главных ее лейтмотивов – поиск свободы. Люди постоянно стремятся к свободе и бесконечно страдают от ее отсутствия. Эта жажда захватывает все сферы жизни – от искусства и политики до физиологии и быта. Слово «свобода» – одно из самых важных человеческих слов.

Откуда это в нашей природе? И главное – как стать свободными?

В этой книге мы сделаем попытку – наверное, слабую и недостаточную – разобраться с нашей свободой.

Я – православный священник, почти 30 лет живу и служу в Амстердаме. Один наш чтец (американец по происхождению) говорит: о чем бы отец Сергей ни говорил, у него все равно все получается про свободу...

Возможно, поэтому, когда издательство попросило меня написать книгу о свободе, я решился. Решился пройти вместе с читателем путь.

Однако не стоит ждать от этой книги какого-то волшебного момента: вот дойдем мы до следующего поворота, а за ним – know how¹. Плохо это или хорошо – но эта книга не задачник по математике с правильными ответами в конце. По крайней мере, с ответами в той форме, в которой мы часто хотим их найти и пристроить к жизни в качестве метода, помогающего стать свободным.

Проблема в том, что «несвободу» нельзя локализовать в определенном месте души или тела, а потом это место удалить. Несвобода разлита по нашей жизни слишком широко.

В христианстве жизнь есть пройденный путь, а не учебник моральных проблем. И пройти этот путь должен всякий, кому он определен.

Эта книга задумана как «Введение в свободу». Введение – не столько как предисловие, после которого и последует основной текст, а введение – прохождение части этого пути совместно с вами, читателями. Что нужно для этого пути? Честность по отношению к себе и желание задавать вопросы. И ты сам. Если ты есть – выходи на свободу!

¹ Знать как, или секрет производства (англ.).

Вместо предисловия. О моей несвободе, или Из наблюдений заключенного

Мне выпал особый случай узнать о свободе. Повезло. Меня посадили в тюрьму. Это было во время службы в армии, в самом начале 70-х, по причине явно натянутой – «пропаганда американского образа жизни» и «непослушание начальству». Про американский образ жизни я почти ничего не знал, а «непослушание» и правда было весьма распространенным явлением. На самом деле причина в таких случаях была не важна. Важен был результат.

Результат был нужен моему армейскому начальству: оно рассчитывало, что я вернусь в строй «нормальным советским солдатом» – например, не буду обсуждать с другими неположенных вопросов.

Однако именно в тюрьме ко мне пришла свобода. Точнее, я в ней родился – в свободе. Вопреки всякой логике, вопреки очевидности страха. Ведь страх – это главное, что случается с тобой в тюрьме, в состоянии несвободы. Но оказалось, что если в страх хорошенько и напрямую всмотреться, то ему от этого становится не слишком приятно. Страх хочет уйти. И тогда остается территория, на которой может родиться свобода.

* * *

Главное в тюрьме – это запах. Прошел не один десяток лет с тех пор, как я провел определенные мне там недели и месяцы, но запах я помню хорошо... Запах советской тюрьмы – он схож с запахом сырых подвалов, сгнившей картошки и человеческих отходов. В этом, собственно, и была задача тюрьмы: сделать из человека отходы.

Если государство не живое, а только система, структура, то ему мешает свобода человека. Со свободным жить трудно – кто его знает, что он выкинет. А если вместо человека нечто послушное и управляемое, правильно отзывающееся на любой приказ, то это уже «достойный член общества». Так в 70-е годы называли хорошо управляемых. И метод, как из человека сделать управляемого, был простым – поселить в человеке страх.

В идеале страх должен был пронизывать все человеческое существо, проникать в его плоть и кровь, становиться неотделимой тенью, которая уже не будет идти позади, как бы ей и положено, а бежать, как собачонка, впереди, обнюхивая заранее все углы, ожидая, что кто-нибудь оттуда да выскочит. Это был страх ожидания неминуемого – «кого-нибудь».

Для воспитания страха меня определили поначалу в общую камеру. Днем нас водили на работу. Самое большое счастье выпадало, если наряд длился весь день и не надо было к обеду возвращаться в тюрьму, чтобы там потреблять из алюминиевой миски баланду. Как было хорошо, если кормили на стройке либо в детском садике, где мы пилили дрова. Манная каша, приготовленная для детишек, которую ребенком я ужасно не любил, – какое это счастье для ээка!

* * *

И вот, находясь в этом волшебном месте, я стал наблюдать, как здесь материализовывались страхи, терзавшие обычное гражданское население.

Нам – группе, определенной на работу, выдавался автоматчик, который покорно следовал за нами. «Шаг вправо, шаг влево, прыжок на месте – все считаю за побег и открываю огонь на поражение», – сообщал он нам каждое утро. «Договорились!» – отвечали мы ему весело.

Но, глядя на реального автоматчика, я обнаружил, что у каждого из «достойных членов общества» там, «на свободе», за пределами тюрьмы, был свой «автоматчик» – невидимый и бесплотный. Волшебство этого места заключалось в том, что материализованный и видимый всеми автоматчик был не так страшен, как его собрат-невидимка, пребывающий среди гражданского населения. Он, невидимый, контролировал не только все движения, но и мысли, он сидел в черепке у добропорядочных граждан, когда они конвоировали самих себя. Именно в тюрьме я убедился, что «полиция мысли», о которой я знал еще так мало, сильнее всего работает вне тюремных стен. Интересное я сделал открытие: люди «на свободе» подчинены жесткому самоконтролю и живут в большем страхе, чем ээки.

Своими вопросами о свободе и мыслями о невидимых автоматчиках я поделился с товарищами по камере. Кто-то из них поделился моей наблюдательностью с тюремным начальством. Меня перевели на третий этаж – в одиночку.

Я не расстроился. Мне давно хотелось побыть одному, мне казалось, что, пребывая в одиночестве, я не буду никуда спешить и наконец смогу быть самим собой. Вот тебе и пустыня, ты – один! Наконец-то я оказался в таком месте, где мог быть собой. Мечта сбылась.

* * *

Идеал бытия в пустыне исчез весьма быстро. Оказалось, что здесь я действительно один. А что можно делать одному? Уже в первые сутки выяснилось, что делать практически нечего. Спать – нельзя. На мокром цементном полу долго не пролежишь, да и в глазок камеры часовые поглядывают иногда. Увидят – поднимут ударами сапог.

Читать – нельзя. Нечего читать. Писать – нельзя. Нечем писать и не на чем писать, бумага не выдается. Что же можно? Можно думать. Свобода – думай, сколько хочешь, все время твое! Вот тогда и выяснилось, что думать я не умею. Как это – думать? Если попробовать нацелить свои размышления на физику (в то время это была моя специальность «на свободе»), то без нужных книг и собеседника нацеленность мысли ускользает почти мгновенно. Если размышления не нацеливать вообще, то в голову сразу лезет чепуха. Даже много чепухи. Но это совсем не то, что я хотел бы произвести на свет, и тем более не то, что я называл «мыслить».

Нам иногда весьма наивно кажется, что ничего не делать – означает попасть на долгожданные каникулы: все уроки отменили, домашнего задания не дали, наконец-то можно и отдохнуть! Но если нельзя читать, нельзя писать, нельзя двигаться по прямой, а можно только три коротких шага из угла в угол, нельзя разговаривать, нельзя петь песни, то это не каникулы...

Потом стали приходиться мысленные предложения. Например: а не разбить ли голову об стенку? Похожую историю я слышал на экскурсии в Петропавловской крепости, как декабрист Булатов, посаженный после провала восстания в одиночный каземат, разбежался и разбил себе голову об стенку. Вскоре он умер.

Я прикинул расстояние от одной стенки до другой в своей камере. Три шага. Не разбежишься. Покалечиться – да, это, скорее всего, удастся. Но перспектива поменять камеру на больницу ничего не говорила о свободе. На свободу шансов не было.

* * *

Совершенно не обязательно, что страх в нашу жизнь влетает сокрушительным ураганом, снося на своем пути крышу. Тогда, в тюрьме, страх стал подкрадываться ко мне медленно. Медленно-медленно, как на цыпочках, как в мягких тапочках, в звериных шкурах. У Мандельштама есть такие строчки:

...не услышать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.

Это точное описание того, что стало происходить тогда со мной.

Собственно, первое движение и страхом еще назвать было нельзя – будто пробежала по стенке серая тень, появилось какое-то ненужное лишнее чувство, и даже еще не чувство, а просто привкус во рту. Это было несловесное, скорее где-то в животе расположенное чувство или предчувствие: надвигается нечто, с чем тебе не справиться. Нет у тебя молодецких сил. Ты ломаешься.

А причина этого особая, нужно о ней сказать. В обычных обстоятельствах человек должен все время бежать. Он бежит и бежит, остановиться ему некогда, поскольку забот и хлопот много. Наша норма – это жизнь белки в колесе, и, как ни странно, именно это и спасает от страха. А в тюрьме бежать некуда. Нашлась та сила, которая остановила привычный бег. Началось испытание «ничегонеделанием», которое оказалось страшнее, чем мы можем себе представить.

Я уже сказал, что решил в своем вынужденном безделье начать думать. И думать я действительно начал, но быстро убедился, что желаемые мысли ко мне не приходят. И это еще совсем не так плохо, если никаких мыслей не приходит. Но, как правило, вместо размышлений на заданную тему человека тут же сковывает страх.

И наступает тяжелая минута признания: ты думал, что ты человек, и уже в силу этого ты способен думать. А тут выясняется, что нет. Что вместо «думания» к тебе приходит страх.

Так на что ты способен, когда ты один? Только на страх?

* * *

Следующее мое открытие в одиночном пространстве было таким: оказалось, что при таких обстоятельствах работают какие-то особые законы времени, и законы мышления здесь тоже особые (наверное, как в космосе). Оказалось, что в ситуации «ничегонеделания» можно и нужно все же найти какую-то активную роль, не сдаваться, не биться головой об стенку.

Здесь можно начать чувствовать, как созревает время. Наблюдать за созреванием и не отчаиваться.

Главным открытием для меня тогда было, что время бывает разным: есть время линейное, оно хорошо приспособлено для бега. Но есть и иное время – для него нашлось точное русское слово «пора». «Пришла пора» – время созревания осеннего урожая. «Пришла пора» – время созревания личности. «Пора» – время созревания мысли, когда думы, побегав по кругу, очищаются от серой ваты имитации – от псевдорассуждений на случайные темы. Такая пора пришла и в мою камеру, и думы стали кристаллизоваться и обретать плотность. Появилась плотность вопросов.

Я нашел свою тему для раздумий и свой вопрос, а именно: «Как найти свободу?»

Казалось бы, это самая естественная тема для человека, заключенного в тюрьму, но это вовсе не так. Ведь вопрос для меня не стоял как насущный, но беспочвенный: «Как отсюда выйти на свободу?» Вопрос стоял иначе: как закрепить то нетвердое еще состояние, как не потерять его, как, когда ты выйдешь «на свободу», за пределы закрытого пространства, не попасть в пространство еще худшее – туда, где за тобой присматривает невидимый автоматчик, туда, где действует внутренняя цензура? Меня уже не устраивала такая перспектива – поменять один страх на другой.

И впервые появилось ощущение, что не надо спешить, что я здесь оказался именно для того, чтобы успеть понаблюдать. Это интересное ощущение – твоя жизнь складывается не случайно, и даже в тюрьме есть смысл.

* * *

Самым сложным моментом этого этапа, почти неподъемным, стала необходимость не обманывать себя, быть честным с самим собой. Однако решение было принято, и я сделал следующий шаг: с большим усилием, но я все же смог дать первый ответ на свой вопрос: о свободе я ничего не знаю. Ничего.

Расплата за такую честность приходит быстро – приступ пессимизма. Пессимизм есть желание остановиться. Искушение – найти ручку тормоза или заорать на водителя: стой, приехали! Хотя на самом деле ты хорошо знаешь, что еще не приехали, что надо дальше. Но нет сил на это «дальше». И хочется выйти из вагона при движении на высокой скорости и остаться лежать на насыпи.

Для меня это искушение неожиданно прозвучало так: свобода – это все чьи-то выдумки, натяжки. На самом деле свободы нет, нас просто купили этим словом. Да, слово красивое, но в этой жизни и в этом теле ты никакой свободы не найдешь. Ее нет.

Всплыла в сознании цитата из Маркса-Энгельса-Ленина: «Свобода есть осознанная необходимость». Эта формула теперь требовала признания своей правоты: согласись, говорила она, ведь именно сейчас ты находишься в ситуации необходимости. Замкнутое пространство и есть та необходимость, из которой тебе некуда деться. И если ты признаешь это как «необходимость», то и рыпаться перестанешь. В этом и состоит твоя свобода.

Получалось так: «Свобода есть признание насилия над тобой» – нет, на это я согласиться никак не мог.

«Тогда застрелись», – шептал все тот же голосок. Это уже было серьезно.

* * *

Тогда и случилось событие, которое повело меня к свободе. Точнее, именно тогда начался долгий путь к свободе. Сейчас, когда прошло столько лет, я даже не буду настаивать на реальности того события. В каком-то смысле оно не было реальным. Скажу более точно: это событие не относилось к реальности той замкнутой камеры, где я оставался как заключенный, оно не имело ничего общего ни с тяжелой масляной краской ее синих стен, ни с тяжелой железной дверью с маленьким глазком, ни с тяжелым запахом отходов. Реальность как бы разделилась, и я попал в ту ее часть, где были свет и легкость. Тяжесть исчезла.

И при этом свете очень ясно прозвучали слова: **свобода может быть только в Боге.**

Сейчас, сегодня, мне хочется добавить красок и раскрасить это событие дополнительными деталями, наполнить психологическим переживанием. И уж если рассказывать, то со многими восклицательными знаками, призывая ангела в свидетели. Но надо быть честным: никаких деталей я не помню. Возможно, их просто не было. Была проблема. И даже не одна. Но главная заключалась в том, что «Бог» не было словом из моего лексикона. Я его не употреблял.

Ведь если я и знал хоть что-то о Боге, то, скорее всего, простую истину того времени, что Бога не существует. Из этой главной проблемы вытекала вторая: если Бога нет, то каким образом свобода может быть в Боге?

Хорошо помню, что не успел я продумать до конца все логические последствия услышанной фразы, как мной овладела радость. Это была такая светлая радость, такое чувство легкости, что... я ничего не понял. Но и понимать уже не хотел. Хотелось просто быть в этом абсолютно новом чувстве и стоять под лучами радости, как под душем из солнечных лучей.

Столько света было отпущено на меня одного! Столько света...

Еще была уверенность, что это чувство теперь никуда не исчезнет, не покинет меня. Ах да, вот оно, самое существенное – постепенно стало понятно, что теперь я свободен. Свободен

целиком, душой и телом. Что отныне никакой часовой, никакие издевательства не отнимут у меня свободы. Я мог дожидаться судебного разбирательства или не ждать его вовсе, я мог отправиться в лагерь – точнее, меня могли отправить, но никто не мог лишить меня радости и свободы.

Увы, это было не так. Реальность камеры быстро водворилась на свое место, отворили дверь, и меня куда-то повели. Оказывается, срок еще не вышел, и отсидка продолжалась. Чувство радости мне удержать не удалось.

Но переворот произошел. Страх тюрьмы, страх возможного унижения и издевательства, который был привычен всем заключенным, отступил. Реальность делала все возможное, чтобы этот страх вернуть на место. Но я нашел способ иметь с ним дело: надо было повернуться к нему лицом. Нельзя было уворачиваться и убегать, отступать, надо было смотреть на него в упор. У меня по явился опыт смотреть на страх пристально.

Позднее появилось множество новых вопросов, и главный – а знаю ли я хоть что-то о Боге? Если действительно признать, что «свобода может быть только в Боге», то надо начинать с того, что я не знаю о Боге ничего.

* * *

С тех пор прошло много лет, более сорока. Теперь я могу сказать о свободе больше, чем тогда. Теперь мне надо это сказать, и, главное, мне надо вновь это сказать самому себе. Ведь эта история с тех пор все разворачивается и уходит дальше и дальше, как по спирали. Оказалось, что сказать самому себе о свободе – это трудно. Это невероятно трудно, поскольку непонятно, кто есть «я сам». Понятно было (это следующее, что я пережил), что свободными не рождаются. Для того чтобы человек родился в свободе, он должен пережить нечто, как минимум пережить свою несвободу, – это была следующая ступень моего пути.

Часть 1. Потерянная Свобода

Глава 1. Как человек остался без свободы

О какой свободе мы говорим?

Нередко под «свободой» понимают жизнь, очищенную от любого давления и освобожденную от проблем. Однако свобода, о которой я буду говорить, – это нечто другое. Это – переход в иное состояние. Это состояние довольно трудно объяснить словами.

Например, мы знаем: *Возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22: 39). И иногда мы делаем такое усилие – полюбить ближнего. Но обычно все наши усилия разбиваются – ближний оказывается не таким, как нам хотелось бы, и полюбить его не получается. Почему? Потому что мы его видим не так, как его видит Бог. А состояние свободы – это когда человек видит себя и других такими, какими их видит – и любит! – Бог. Это в идеале.

Или такой момент. Для нас мир вокруг состоит из проблем. А в состоянии свободы мир переворачивается – из него уходит бесконечное напряжение, постоянные обязанности и потребность эти проблемы решать. Можно сказать, что в состоянии несвободы человек видит проблему, в состоянии свободы – творческую задачу украсить этот мир.

Проблемы – это как решетка на окне: ты смотришь на весь мир из тюрьмы. К примеру, вы – родители подростка. Он ведет себя неадекватно, с ним сложно, он кричит, он делает не то, что должен, и т. п. Вы чувствуете себя в собственном доме, как в тюрьме. Человек, который находится в состоянии несвободы, видит и слышит только проблему, которую непонятно, как решать. Человек, перешедший в состояние свободы, увидит мятущегося подростка, которого, может быть, просто нужно обнять и погладить по голове.

Человек в состоянии свободы видит свою связь с другими на качественно ином уровне. Он будет делать что-то «не для того, чтобы», а потому, что «нас что-то зовет».

Если мы будем честными перед собой, то увидим, что часто делаем что-то из желания соответствовать чужим ожиданиям. Состояние свободы мы путаем с состоянием обязанности, которое, в свою очередь, рождается из страха. А страх – главный враг свободы.

Человек, однажды потеряв свободу, всеми силами пытается ее снова обрести. Потому что в этом – в свободе – его природа и его предназначение. Но очень, очень часто он идет по ложному пути. Работает локтями и расчищает вокруг себя пространство – в результате вместо свободы находит одиночество. Или – полагает, что свобода тождественна справедливости. Об эту стену часто бьются те, кто занимается поиском свободы политической.

Путь к свободе – это путь в лабиринте. Много шишек можно набить по дороге.

Но конечный пункт стоит того.

Потому что свобода равна радости. Свобода равна творчеству. Свобода равна любви.

Однако вернемся в начало лабиринта...

Откуда у людей свобода, или Как появился я?

Обычно вопрос «Как появился я?» задают дети в определенном возрасте. Вопрос, конечно, самый законный. Но этот вопрос не является частью программы полового воспитания – это скорее вопрос о судьбе человека: как и почему появился именно я (!), а не Петя и не Маша или, скажем, Ашраф из Уганды?

Из этого вопроса вырастает естественным образом и следующий: если появился именно я, то вполне вероятно, что я должен исполнить нечто, что предназначено именно мне. Насколько я знаю, такое чувство осмысленности своей жизни появляется у каждого человека, но потом, с годами, оно может быть заслонено другими чувствами, приижено и забыто.

Для меня несомненно, что смысл жизни появляется одновременно с чувством первого религиозного опыта. Здесь надо сразу сказать, что наше понятие о первом религиозном опыте часто позднее, уже во взрослом возрасте, интерпретируется ложным образом. Столкнувшись со структурами этого мира, взрослый человек обычно полагает, что именно некие «религиозные организации» (церкви) и отвечают за религиозные чувства. А это совсем не так. «Религия» в изначальном смысле – это связь человека и Бога (или богов в Древнем Риме и Греции). В какой-то момент своей жизни человек чувствует свою «религию», свою связь с Богом. Это и порождает чувство осмысленности жизни, ее неслучайность.

В Библии сказано так: *И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их* (Быт. 1: 27). Сколько богатства и смысла в этой фразе! Однако в ней есть вещи совсем непонятные, например: «сотворил человека» – в единственном числе, а потом это раскрывается как множественное: «мужчину и женщину сотворил их». Впрочем, на мой взгляд, удивляться в этой фразе больше всего нужно иному, а именно: «человек сотворен как образ Бога». Что это значит?

Если бы мы читали текст книги Бытия на греческом языке, то увидели бы, что там на месте русского «образ» стоит слово «икона», то есть: Бог сотворил человека, мужчину и женщину, как икону Божию. Так говорит греческий текст Библии. И наш язык это подтверждает: ведь недаром в русском языке иконы до сих пор называются «образами».

Такое прочтение этого места Библии поддерживал митрополит Антоний Сурожский. Он часто говорил, что при сотворении человек был как новенькая красивая икона. Но со временем икона постарела, покрылась пылью и грязью, потрескалась, да так, что из-за царапин и темноты уже и лика не разглядеть – какой же святой был изображен на этой иконе, был это образ мужчины или женщины? А может быть, это был ангел?

Человек был маленьким ребенком, сияющим от счастья, а потом пришло время созревания – трудность в определении себя и своего места в жизни. Радость оказалась потерянной, и образ Божий в человеке потускнел и потух.

Но в таком случае что же это такое – образ Божий в человеке?

Образ есть отражение полноты, или так: через образ полнота просвечивается, виднеется, прослушивается. По-настоящему, во всей полноте, свободен только сам Бог. Ведь Бог сотворил мир, а для творения, для любого акта творчества нужна свобода. И этой свободой Бог одарил человека. Еще учителя древней христианской Церкви говорили, что образ Божий – это и есть свобода! Именно поэтому в самом начале мира человек мог творить так же, как творил Бог. В Библии об этом рассказано так: Бог творит мир через слово: да будет! – восклицает Творец. *И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. ...И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной... И стало так* (Быт. 1: 3, 14–15).

Далее, когда мир уже сотворен, человек тоже произносит «творческие» слова – дает имена *всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым* (Быт. 2: 20). Человек, как сотрудник и со-творец Бога, становится во главе мира животных, птиц и растений. Так появляется мир – через слово Божие и слово человеческое. Так появляюсь я – в тот момент, когда мне надо дать имя чему-то или кому-то. Не обязательно, что это вновь будут имена для всех живущих, достаточно, если я дал имена своим переживаниям. Так появился я.

Ледниковый период, или Как появился страх?

Рай, райская жизнь... Кажется, что в раю не было времени: дни творения имеют свой отсчет, а потом наступает день седьмой, и длится вечная суббота – райская жизнь без конца и края! Субботний покой в завершение творения – гармоничная и радостная жизнь. Потом у человека останется только смутное воспоминание об этой гармонии, заповедь «помни день субботний» есть напоминание о мире гармонии, напоминание о рае.

Но далее происходит катастрофа, как будто в мир жизни и гармонии приходит период оледенения, замерзания, словно на райский сад Эдем наползает ледник, и вся жизнь замирает – человек теряет образ Божий. Наступает ледниковый период человеческой истории.

В Библии следует длинный рассказ о грехопадении. Что же мы называем этим словом – «грехопадение», что там происходит? Давайте еще раз внимательно перечитаем эту сцену.

Ева и Адам попали под власть очарования обманщика – змея. Он посулил им знание: *В день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.* Очень заманчивый посул: у вас будет знание, и тогда вы будете как боги! Как же здесь не соблазниться! Однако ведь недаром у сатаны есть еще другое имя – лукавый, прельститель. Лестью можно многого добиться («спой, светик, не стыдись!»), но в корне лести лежит ложь. А ложь искривляет путь, делает его кривым, как лук – «лукавым».

По сути дела, эти слова прельстителя – просто провокация. Увы, и человек поддается ей.

И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. Интересно, какое же такое особое, чудесное знание дали человеку плоды этого дерева?

И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги (Быт. 3: 5–7).

Вот это уже неожиданно! Пойти на такой серьезный риск, потерять райский сад из-за непослушания только для того, чтобы узнать, что ты – голый?! Действительно, это совершенно неожиданный поворот дела! Мы и не предполагали, что если ты голый, но это еще не является «знанием», тогда это вовсе не страшно. А вот если получил знание – ты есть голый! – тогда все проблемы сразу и начинаются.

Нагота первых людей – по толкованию митрополита Филарета Московского – приравнивалась к их изначальной красоте. Позднее, после падения, эта красота скрылась и стала невидима для человека, подменилась страхом и стыдом. Поскольку появилось «знание» о своей наготе. Судя по всему, это был совершенно новый тип знания, ранее неизвестный райскому миру. Видимо, это было то новое знание, которое преимущественно располагалось в голове.

Посмотрим, что последует за этой сценкой поедания плодов.

И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся. Вот как интересно, оказывается, что появилось не только знание о своей наготе – и теперь человеку от этого знания никуда не деться, – но еще **появился страх**: «я убоялся»! Я – голый, и мне страшно! Надо прятаться.

Печальное знание приобрел человек.

И еще появляется ложь, ведь она – спутница страха. Ложь, когда человек убеждает сначала себя в чем-то, особенно в своей «правоте», в праве действовать именно так согласно своей правоте, а потом уже можно и других постараться убедить в том же. Вот хороший пример. Бог спрашивает Адама: *скажи, кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?* Вопрос задан прямой: откуда пришло твое знание о наготе? Кто подсказал тебе, что ты наг? Ведь единственный способ получить такое знание – отведать плодов запрещенного дерева. Но Адам не дает прямого ответа. Вместо этого он строит цепочку причинных связей: *жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел* (Быт. 3: 9–12). То есть это надо понимать следующим образом:

«Да, я ел плоды от дерева, – говорит Адам. – Но разве это моя вина, моя инициатива? Я знаю, кто на самом деле виноват, кто причина всему. Ты, Бог, дал мне жену. А потом она дала мне плоды от дерева. И только поэтому я их попробовал».

То есть кто же в конце концов стоит во главе этой логической цепочки, кто первопричина?

«Ты, Бог, и являешься причиной моего греха». Так говорит Адам.

Замечательная логика! Человеческая логика, которая уже не знает свободы, а знает только страх. Боязнь наказания диктует такую логику. Кончилась человеческая свобода, на ее место пришел страх.

* * *

Так был затемнен в человеке образ Божий, так из творца он стал ремесленником.

Но в каждой жизни есть момент, когда человек вспоминает о своей свободе. Он вспоминает – точнее, ему дается шанс вспомнить! – что страх не есть первопричина и перводвигатель наших действий, но есть следствие потерянной свободы.

Действительно, свобода – образ Божий в человеке! – по причине пришедшего ледникового периода, оледенения рая – ущербна в нас, она никогда не присутствует в полноте, а разбита на мелкие осколки. Но эти осколки свободы все же есть, эти кусочки можно собрать в острова, более того, можно найти достаточно большой кусок свободы, материк, чтобы действовать на нем в нужный момент жизни. Но для этого нужно трудиться. Это и есть труд человека: восстановление своей свободы, собирание ее по отдельным кусочкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.